

Стоило Гу Яню переступить порог, как его встретила отцовская пощёчина. Широкая ладонь Гу Чуаня будто стала привычным знаком — словно каждый визит сына не обходился без удара.

Но Гу Янь давно уже не тот покорный мальчик, каким был в юности. Теперь он выше и крепче самого отца, а Гу Чуань — просто стареющий альфа, шагнувший в закат своих лет.

Он легко перехватил отцовскую руку и холодно произнёс:

— В чём дело? Зачем звал так срочно?

Щёки Гу Чуаня налились гневом. Быть ослушанным — особенно сыном — было унижением. Но прежний страх ушёл. Теперь Гу Янь не опустит голову и не станет молча терпеть. В открытом столкновении у отца не осталось бы шансов.

— Бездельник! Шляешься неизвестно где! Сколько ты уже не появлялся дома? Или ты совсем забыл, что у тебя есть семья?! — сорвался он.

Гу Янь опустил в кресло, не торопясь, почти лениво:

— Хочешь, я тебе напому, сколько у тебя было женщин? Или о той, с кем ты спал прямо при матери? Просто тебе уже нечем ответить — вот и бесишься. Смешно слышать упрёки от тебя.

Если сравнивать: у Гу Чуаня — бурная, запятнанная молодость, у Гу Яня — только Сюй Сяочжэнь. И в этом была его тихая, упрямая гордость.

Отец резко обернулся, ударил снова. Гу Янь не отшатнулся, не отвёл взгляда. Просто повернулся обратно и медленно стёр кровь с губы:

— Ты ещё смеешь говорить о матери? Разве не ты её довёл?

Гу Чуань застыл. Ни слова в ответ. Даже взгляда не поднял.

В детстве Гу Янь часто спрашивал себя: что он делает не так? Почему отец холоден? Почему не любит — и если говорит, то только с раздражением?

Ответ пришёл позже. Тогда, когда Гу Чуань, стоя под прицелом, не дрогнув, вытолкнул вперёд её — его мать — прикрывшись ею, как живым щитом.

С тех пор каждый раз, проходя мимо той комнаты, Гу Янь ощущал запах крови, смешанный с

апельсиновым цветом — её любимыми духами. И вспоминал её взгляд — растерянный, отчаянный, в ту самую последнюю секунду.

Он понял: отец ненавидел не только его — ребёнка, появившегося по расчёту. Он ненавидел и мать. А значит — всё, что осталось от неё.

Любовницы у Гу Чуаня были всегда. Возможно, он и правда рассчитывал, что детей у него будет много. Имя для Гу Яня он выбрал наспех, без смысла — даже не попытался выговорить его правильно. Слишком трудным оно ему показалось.

Вот и вышло: жизнь почти прожита, а детей — только двое. Сын и дочь.

— Карма, — усмехнулся Гу Янь. — На твоём месте я бы сделал ДНК-тест. А вдруг и я, и Гу Инин — вообще не твои? Столько грязи за спиной — не удивлюсь, если останешься ни с чем.

С верхнего этажа спускалась Гу Инин. Её разбудил шум. Увидев брата, она в ярости кинулась на него:

— Не смей говорить так с моим отцом! Это мой дом — уходи!

Госпожа Гу бросила на Гу Яня неловкий взгляд, прижала дочь к себе и попыталась всех унять.

А вот Чжоу Цзиншуо в этом доме не был никем. Он существовал где-то между стенами — стоило чему-то пойти не так, как сразу звучало: это он испортил Гу Яня. Это он был лишним.

И теперь, услышав эти слова, он побледнел. Внутри будто похолодело.

Всё. Теперь точно конец.

Брат стал неуправляем. Говорил, что в голову взбредёт. Ни страха, ни стыда.

— Брат, прошу тебя, хватит, — выдохнул он, торопливо, почти шепотом. — Тебя ведь не просто так позвали... Там важно... Очень важно... — Он косил глазами, подмигивал, умолял: пойми.

Когда напряжение стало почти невыносимым, в комнату осторожно вошёл дворецкий и сообщил:

— Прибыла семья Чэнь.

Словно по команде, Гу Янь и Гу Чуань прекратили ссору. В присутствии посторонних нельзя было терять лицо.

Гости вошли с подарками. Приветствия были вежливыми, учтивыми, даже немного натянутыми. Все расселись по местам.

Чэнь Баочжу появился в сопровождении улыбок и одобрительных взглядов. Заметив Гу Яня, он тут же подошёл ближе и взял его под руку — будто не замечая красного следа на щеке:

— Каждый раз прихожу — тебя всё нет. А сегодня наконец повезло.

Гу Янь кивнул, не улыбаясь. Он не любил физические контакты — мягко, но уверенно освободил руку.

На лице Баочжу на мгновение мелькнула тень, но уже в следующую секунду он снова выглядел безупречно, с тем же уравновешенным выражением.

Госпожа Гу оживлённо заговорила:

— А Янь ведь вечно занят. Но как только услышал, что ты приедешь — сразу всё бросил. Раз уж все здесь, давайте обсудим помолвку.

Чэнь Баочжу был омегой. По традиции, в таких случаях именно семья Гу должна была нанести первый визит. Но у Чэнов был более скромный статус — потому и пришли сами.

Гу Чуань был доволен союзом: помолвка с семьёй Чэнь означала прямой путь в парламент, усиление влияния. После коротких формальностей он и господин Чэнь вышли, оставив молодых наедине — обсудить детали.

Гу Янь мельком подумал: дата до сих пор не назначена, так что визит действительно был уместным. Семья Чэнь, по сути, просто напомнила о себе.

Раньше ему было всё равно, на ком жениться. Главное — польза для карьеры. Имя, лицо, происхождение — не имело значения.

Но сейчас, среди оживлённых разговоров о помолвке, он чувствовал только отстранённость. Сидел молча, не вмешиваясь.

— У тебя какие-то возражения? — вдруг спокойно спросил Баочжу. В комнате сразу повисла тишина.

Госпожа Гу тут же вмешалась, не позволяя паузе затянуться:

— Да он просто рад до немоты. Как тут говорить, когда такая удача!

— Смотри, — продолжил Баочжу, доставая коробку, — вот кольцо на помолвку, а это — свадебное. Как тебе дизайн?

Гу Янь взглянул: бриллиантовое, десять карат, сияющее — всё по статусу.

— Подойдёт.

Баочжу сжал челюсть, но тут же вернул безупречную, почти театральную улыбку.

Даже если бы Гу Янь встал сейчас и, не оборачиваясь, вышел, хлопнув дверью — он всё равно считал бы себя победителем. Любовь — дело наживное. Он был уверен: ещё не родился альфа, который бы смог устоять перед его обаянием.

А Гу Янь между тем пытался понять, что именно вызывает в нём это глухое отторжение. Наверное, просто раздражало, что решения принимают за него. Что его как будто подталкивают — мягко, но настойчиво. Именно это и вызывало внутреннее сопротивление.

На бумаге Баочжу действительно выглядел идеальным партнёром. Особенно для него. Сдержанный, обходительный, умел держать лицо. Даже если бы их брак оказался пустой формальностью — жили бы как соседи, каждый со своими тенями, — внешняя гармония была бы безупречна.

А если в его жизни оставался кто-то ещё... скажем, Сюй Сяочжэнь... Баочжу, скорее всего, не только не стал бы возражать — возможно, сам бы передавал ему подарки «по-дружески».

Гу Янь не мог предъявить претензий. Всё казалось безупречно выверенным. Почти искусственным.

— Раз все согласны, предлагаю назначить помолвку на июнь, — подытожила госпожа Гу. — Остальное обсудите между собой. Погуляйте, пообщайтесь, сблизьтесь.

И действительно, Баочжу не допустил ни одной ошибки. Отказывать теперь — значило бы потерять лицо. Элементарная вежливость обязывала показать ему дом.

Гу Янь встал и, чуть наклонив голову, пригласил на прогулку.

Они пошли в сад за особняком — туда, где располагался розарий.

Благодаря системе подогрева даже в зимнюю стужу 1-го сектора здесь царил живой, влажный тепло. Воздух был насыщен ароматом роз, почти удушающе сладким.

Первым заговорил Баочжу:

— Говорят, у генерала Гу характер непростой. Но сейчас вы кажетесь вполне спокойным. Или... это от чувства вины?

Гу Янь напрягся. В его взгляде мелькнуло жёсткое предупреждение:

— Не трогай его.

Баочжу замер. Побледнел. Он лишь хотел прощупать почву — не ожидал, что Гу Янь среагирует так остро.

Значит, тот, кого он «прячет» — действительно дорог ему.

Баочжу натянуто улыбнулся:

— Я и не собирался его трогать. Ты же знаешь, у альф вроде тебя почти всегда кто-то есть... на стороне. Я человек широких взглядов.

Он был уверен: рано или поздно Гу Янь сам откажется от всех этих временных «птичек». Остынет. Остепенится. Всё встанет на свои места.

Гу Янь медленно выдохнул и, немного помолчав, протянул ему руку:

— Надеюсь, ты сдержишь слово.

Баочжу едва заметно скривил губы, но руку пожал.

Официального объявления пока не было, но приготовления шли полным ходом. Появились портные: снимали мерки, предлагали ткани, обсуждали фасоны. Шились костюмы, уточнялись детали церемонии.

Дела занимали всё пространство — и всё же казались пустыми.

Одновременно шла работа над банкетом: списки гостей, рассадка, сценарии. Даже если чувства отсутствовали, играть свою роль было необходимо — особенно в доме, где фасад важнее содержания.

Сюй Сяочжэнь написал сообщение. Адресат — Гу Янь.

Как и ожидалось — тишина.

Он не появлялся уже несколько дней. Ни одного ответа. Такого не случалось раньше — никогда.

Цветы пришли, как всегда. Заказанные заранее. На этот раз — жёлтые розы.

Сюй сидел на ковре, подрезая стебли. Мысли блуждали, ускользая за пределы комнаты. Один из шипов уколол палец — на коже выступила кровь, алая и тёплая.

Он поспешно поднёс палец к губам, втянул воздух. Беспокойство не отпускало.

Он был разочарован в Гу Яне, но всё равно не мог не волноваться. Немного подумав, он нашёл номер, с которого в тот вечер звонил Чжоу Цзиншуо — и набрал его.

Ответил... клуб. Обычный служебный номер.

Сердце Сюй Сяочжэня сжалось. Он поставил вазу с розами на стол, сжал переносицу.

Он внезапно понял: у него нет ни одного контакта ни из числа друзей, ни из семьи Гу Яня. Он даже не говорил с ними. Даже если и встречал кого-то случайно — вряд ли те узнают его при повторной встрече.

Сюй сел на стул, уставился в пустоту. На жёлтые розы.

Чем больше думал, тем отчётливее осознавал: их отношения с Гу Янем были ненормальными. Болезненными. Искажёнными.

Его жизнь состояла только из учёбы и этой квартиры — подаренной Гу Янем. Всё.

Если Гу Янь рядом — хорошо. Если нет — он как будто и не существует. Он даже не знал, где живёт Гу Янь. Сколько у него родственников. Как его найти, если вдруг исчезнет.

Он чувствовал себя канарейкой. Золотая клетка, роскошь, тепло — но до тех пор, пока хозяин помнит, что она существует. Стоит отвернуться — и птица остаётся одна.

Это чувство пугало. Он не хотел думать так — но не мог остановиться.

Гу Янь не появлялся неделю.

И вот — дверь открылась. Он вошёл без слов и сразу обнял Сюя, прижавшись подбородком к его плечу.

Сюй выдохнул, почти беззвучно, с облегчением:

— Где ты был? Почему так долго?

Гу Янь не сразу ответил. Только обнял крепче.

Потом глухо произнёс:

— Был занят.

<http://bllate.org/book/14462/1279157>